

Глава 12. Независимость

Филадельфия, 1775–1776

Выбор позиции

Подобно тому, как когда-то сын Уильям помогал ему проводить знаменитые эксперименты с воздушным змеем, теперь уже сын самого Уильяма, Темпл, помогал Франклину опускать самодельный термометр в воды океана. Три-четыре раза в день они измеряли температуру и заносили полученные данные в таблицу. Франклин узнал от своего нантакетского кузена, капитана китобойной шхуны Тимоти Фолгера, о направлении течения Гольфстрима. Во второй половине своего шестинедельного путешествия домой, написав подробный отчет о бесплодных переговорах, Франклин переключил внимание на изучение этого феномена. Карты, которые он опубликовал, и результаты проведенных им измерений температуры представлены на веб-сайте NASA, что указывает: они удивительным образом совпадают с результатами измерений, проводившихся с современных спутников с помощью датчиков инфракрасного излучения¹.

Путешествие было на удивление спокойным, но в самой Америке начался давно ожидавшийся шторм. Ночью 18 апреля 1775 года, когда Франклин находился посередине океана, отряд британских солдат направился из Бостона на север, чтобы арестовать инициаторов «Бостонского чаепития» Сэмюэла Адамса и Джона Хенкока и захватить военное снаряжение, собранное их сторонниками. Пол Ревир подал сигнал тревоги, а вслед за ним это стали делать и другие люди, оставшиеся неизвестными истории. Так что когда британские солдаты достигли Лексингтона, там их встретили семьдесят американских «солдат народной милиции».

«Эй вы, мятежники, разойдитеесь по домам!» — приказал британский майор. Сначала они послушались приказа. Но затем прогремел выстрел. В ходе последовавшего столкновения погибли восемь американцев. Победоносные британские солдаты направились маршем в сторону Конкорда, где, как рассказывал Эмерсон, «стояли в боевом порядке фермеры, и звуки выстрелов были слышны далеко вокруг». (Каким-то образом лексингтонские бойцы выпали из поэтической версии истории, написанной Эмерсоном, подобно тому, как Уильяму Доусу и другим гонцам не нашлось места в стихотворении Лонгфелло «Скачка Пола Ревира».) В ходе продолжавшегося весь день отступления к Бостону более двухсот пятидесяти британских солдат были убиты и ранены американскими ополченцами.

Когда 5 мая Франклин прибыл в Филадельфию вместе с пятнадцатилетним внуком, там уже начали собираться делегаты Второго Континентального конгресса. В честь прибытия доктора звонили колокола. «Доктор Франклин чрезвычайно рад увидеть нас вооруженными и готовыми к самым худшим событиям, — писал местный репортер. — Он полагает, что ничто другое не спасет нас от жалкого рабства».

Америка действительно вооружалась. Среди тех, кто прибыл в Филадельфию на той неделе, имея в багаже тщательно подогнанную военную форму, был старый армейский товарищ Франклина — Джордж Вашингтон, ставший владельцем плантаций в Виргинии после завершения войны с французами и индейцами. Почти тысяча солдат народной милиции в конном и пешем строю встретили его на окраине

Филадельфии, а оркестр исполнял патриотические песни, когда его экипаж въезжал в город. Однако по-прежнему не было согласия (кроме как среди радикальных патриотов делегации Массачусетса) относительно того, должна ли разразившаяся война вестись за независимость или просто за утверждение прав американцев в рамках Британской империи, которая останется прежней. Для решения этого вопроса потребовался еще год — но не Франклину.

Франклин был избран членом конгресса на следующий день после прибытия. Семидесятилетний, он был самым старым среди коллег. Большинство из остальных шестидесяти двух членов конгресса, собравшихся в здании законодательного органа Пенсильвании — таких как Томас Джефферсон, Патрик Генри из Виргинии и Джон Хенкок из Массачусетса, — еще даже не родились на свет, когда Франклин впервые пришел работать туда более сорока лет тому назад. Франклин переехал в дом на Маркет-стрит, который он сам спроектировал, но в котором никогда прежде не жил. В этом доме Дебора провела без него последние десять лет. Его дочь Салли взяла на себя хозяйственные заботы, ее муж Ричард Бейч проявлял почтительность к тестю, а их двое детей, Бен и Уилл, веселили домашних. «Уилл берет игрушечное ружье, марширует с ним и одновременно подает сигналы, дуя в дудку», — писал Франклин².

В то время Франклин открыто не высказывался по вопросу о независимости и избегал посещения таверн, в которых другие делегаты проводили вечера в дискуссиях. Однако он прилежно посещал пленарные заседания и совещания в комитетах, хотя и говорил на них мало, а затем шел домой обедать с семьей. В самом начале долгих и противоречивых отношений с Франклином красноречивый и амбициозный Джон Адамс жаловался, что к старику все относятся с почтением, даже когда он «молча сидит в своем кресле, по обыкновению большую часть времени погруженный в дремоту».

Многим из более молодых и горячих делегатов никогда не доводилось быть свидетелями того, как пользуется Франклин искусством молчания, как умеет казаться мудрым, не говоря ничего. Его больше знали как человека, который успешно выступал в парламенте против закона о гербовом сборе, и никто не понимал, что любовь к разглагольствованиям была ему не свойственна. В результате поползли слухи. В чем заключается его игра? Не остается ли он втайне лоялистом?

Среди испытывавших подозрения находился и Уильям Брэдфорд, унаследовавший печатный и газетный бизнес своего отца, бывшего сначала патроном, а затем конкурентом Франклина. Некоторые из делегатов, как он признавался молодому Джеймсу Мэдисону, «начали активно подозревать доктора Франклина, что он прибыл сюда скорее как шпион, а не как друг, и что он намеревается раскрыть наши слабые стороны и заключить мир с министрами»³.

Фактически Франклин провел большую часть мая в ожидании благоприятного случая для того, чтобы попытаться привлечь к делу борьбы за независимость Америки двух близких ему людей. Одним из них был Джон Галловэй, его старый союзник в борьбе против Пеннов, который в течение десяти лет действовал как его заместитель в Ассамблее Пенсильвании. На Первом Континентальном конгрессе Галловэй предложил создать американский конгресс, который обладал бы властью, подобной

власти парламента, причем оба органа должны проявлять лояльность королю. Это был план союза в рамках Британской империи, который Франклин поддерживал на конференции в Олбани и позже, но который безапелляционно отвергнул конгресс. Разочарованный, Галловэй отказался от назначения делегатом Второго Континентального конгресса.

К началу 1775 года Франклин был убежден, что время планов, подобных плану Галлоуэя, прошло. Тем не менее попытался убедить Галлоуэя присоединиться к нему в качестве члена нового конгресса. Он писал ему, что было бы неправильно уходить из общественной жизни «в то время, когда ваши способности так нужны». Первоначально он дал Галлоуэю лишь тонкий намек на свое отношение к вопросу о независимости. «По-видимому, люди не могли понять, к какой партии он примкнет», — вспоминал позднее Галловэй⁴.

Другой человек, которого Франклин хотел привлечь к делу революции, был ему еще более близок.

Встреча в Тревосе

Губернатор Нью-Джерси Уильям Франклин, по-прежнему сохранявший лояльность британскому кабинету министров и непрерывно конфликтовавший со своей легислатурой, узнал о возвращении отца в Филадельфию из газет. Это оказалось для него, как он писал в письме к Страхану, «весьма неожиданной новостью». Уильям очень хотел встретиться с отцом и потребовать обратно своего сына Темпла. Однако сначала он должен был принять участие в специальной сессии легислатуры Нью-Джерси, которую сам назначил на 15 мая. Вскоре после того как она завершилась в обстановке взаимной вражды сторон, три поколения Франклинов — отец, сын и несчастный внук между ними — наконец-то оказались вместе⁵.

Франклин и его сын выбрали для своей встречи нейтральное место — Тревос, большой каменный помещичий дом Джозефа Галлоуэя в округе Бакс, расположенном к северу от Филадельфии. Удивительно, но, несмотря на эмоциональный характер встречи, ни оба Франклина, ни Галловэй, по-видимому, никогда не писали о ней. Единственным источником сведений о событиях в Тревосе по иронии судьбы оказался дневник Томаса Хатчинсона, губернатора Массачусетса, письма которого были тайно похищены Франклином. В своем дневнике Хатчинсон записал отчет о встрече, переданный ему Галлоуэем три года спустя. Тогда оба они как лоялисты находились в изгнании в Англии.

Вечер начался с довольно неуклюжих объятий и последовавшей затем краткой беседы. В какой-то момент Уильям отвел Галлоуэя в сторону и шепнул, что до сегодняшнего дня избегал серьезных разговоров с отцом о политике. Но вскоре после того как «стаканы свободно пошли по кругу» и было выпито немало мадеры, мужчины опять вернулись к политическим разногласиям. «Послушайте, мистер Галловэй, — обратился Франклин к своему давнему союзнику, — вы действительно придерживаетесь мнения, что я должен продвигать идею примирения?»

Галловэй действительно имел такое мнение, но Франклин не захотел его слушать. Он привез с собой длинное письмо, написанное Уильяму во время плавания через

Атлантический океан, в котором подробно описывал тщетные усилия в переговорах о достижении примирения. Хотя Галловэй уже слышал отрывки рассказа, Франклин прочитал вслух большую часть письма и сообщил о перенесенных им унижениях. В ответ Галловэй поведал свои ужасные истории о том, как анонимные радикалы попытались заманить его в ловушку, попросив предложить план спасения Британского союза. Революция, подчеркнул он, была бы равносильна самоубийству.

Уильям доказывал: всем им лучше сохранять нейтралитет. Но отец оставался глух к его аргументам. Как записал позднее Хатчинсон, Франклин «раскрыл свои замыслы и высказался в пользу достижения независимости», а затем «стал протестовать против коррумпированности и расточительности королевства». Уильям гневно возразил, но также проявлял и заботу о безопасности отца. Намереваясь «предать колонии пожару», он, как надеялся Уильям, должен «позаботиться о том, чтобы не сгореть самому»⁶.

В итоге Уильям, расстроенный и угнетенный, отправился обратно в Нью-Джерси, чтобы вернуться к своим обязанностям королевского губернатора. С ним поехал его сын Темпл. Бенджамину и Уильяму удалось договориться в Тревосе о том, что мальчик проведет лето в Нью-Джерси, а затем вернется в Филадельфию, чтобы поступить в колледж, основанный его дедом. Уильям надеялся послать его в Королевский колледж (ныне Колумбийский университет), но Бенджамин отверг план сына, потому что колледж стал рассадником идей приверженности британской короне. Вскоре Темпл оказался втянутым в соперничество между двумя мужчинами, которые боролись за его внимание. Он старательно пытался угодить обоим, но вскоре понял, что это невозможно.

Франклин-мятежник

Трудно указать в точности, когда Америка прошла точку невозврата, осознав необходимость и желательность полной независимости от Британии. Трудно даже сказать, когда этот момент наступил для тех или иных конкретных людей. Франклин, в течение десяти лет балансировавший на грани между надеждой и отчаянием в отношении разрыва, озвучил личное мнение перед членами семьи во время встречи в Тревосе.

В начале июля 1775 года, ровно за год до того, как его друзья из числа американских патриотов придали собственной позиции декларативный статус, Франклин уже был готов излагать свою точку зрения публично. Произошло несколько событий, вынудивших его перейти в стан мятежников: неуважение, разбитые надежды, предательство и враждебные Америке английские законы. Но важно также учитывать стержневые причины эволюции Франклина и, в более широком смысле, причины эволюции тех, для кого он служил примером.

Когда англичане-иммигранты, такие как его отец, осваивали новые земли, они стали создавать новый тип людей. Как постоянно подчеркивал Франклин в письмах к сыну, Америка не должна была воспроизводить жесткие управляющие иерархии Старого Света, аристократические структуры и феодальные общественные порядки, ценящие происхождение, а не личные достоинства. Ее сила должна была заключаться

в возникновении людей среднего класса, экономных и трудолюбивых торговцев и ремесленников, которые отстаивали бы свои права и гордились своим статусом.

Как и многие из новых американцев, Франклин имел негативный опыт общения с властью, и именно по этой причине сбежал из бостонской типографии брата. Он не боялся элит, независимо от того, состояли ли они из граждан Пенсильвании или из членов палаты лордов. Он был дерзким в своих сочинениях и демонстрировал вызывающие манеры. И усвоил философские идеи новых мыслителей эпохи Просвещения, веривших, что свобода и толерантность — фундамент гражданского общества.

Долгое время он лелеял идею согласия, в соответствии с которой Британия и Америка могли бы процветать в расширившей свои пределы империи. Но чувствовал, что это возможно, только если Британия прекратит порабощать американцев посредством законов о торговле и налогов, устанавливаемых из-за океана. Как только стало ясно, что Британия не собирается отказываться от абсолютного подчинения своих колоний, единственным выходом для американцев оставалась борьба за независимость.

Кровавое сражение при Банкер-Хилл и сожжение Чарльстона, произошедшие в июне 1775 года, воспламенили ненависть, которую испытывали к Британии Франклин и его соратники-патриоты. Тем не менее большинство участников Континентального конгресса еще не так прочно встали на революционную дорогу. Многие легислатуры колоний, в том числе и в Пенсильвании, инструктировали своих делегатов противодействовать любым призывам к независимости. Предводителем лагеря осторожных был давний оппонент Франклина Джон Дикинсон, который по-прежнему отказывался устанавливать молниеотвод на своем доме.

Пятого июля Дикинсон провел через конгресс обращение к королю, получившее название Петиции оливковой ветви. Объясняя все беды вероломными происками «надоедливых» и «вводящих в заблуждение» министров, депутаты «умоляли» короля спасти Америку. Конгресс также принял декларацию, объяснявшую, почему необходимо взяться за оружие. В ней утверждалось: «Мы не имеем в виду распустить союз, который так долго и так успешно существовал между нами и который мы искренне хотим видеть обновленным».

Франклин, как и другие делегаты, согласился подписать Петицию оливковой ветви ради сохранения единства. Но в тот же день публично сделал свои собственные мятежные заявления. Средство, которое он для этого выбрал, было довольно странным — письмо старому лондонскому другу и коллеге-печатнику Уильяму Страхану. Не обращая более к нему «дорогой Стрейни», он писал в приступе холодной и расчетливой ярости:

Мистер Страхан,

Вы являетесь членом парламента и принадлежите к тому большинству, которое обрекло мою страну на уничтожение. Вы начали жечь наши города и убивать наших людей. Посмотрите на свои руки! Они обгажены кровью ваших родственников! Мы с вами долгое время были друзьями, но теперь вы мой враг, а я — ваш,

Б. Франклин.

Что сделало это знаменитое письмо особенно примечательным, так это то, что Франклин позволил опубликовать и распространять его — но так и не отослал адресату. Вместо этого оно было использовано как ловкое средство демонстрации его чувств к американским собратьям. Двумя днями позднее Франклин написал Страхану другое, более мягкое письмо, которое и отправил в Лондон. «Слова и аргументы теперь бесполезны, — писал он скорее с сожалением, чем с гневом. — Все идет к разрыву». Он не отправил более гневную версию письма — и он не сохранил среди бумаг его более мягкую версию⁷.

(Франклин перестал поддерживать тесные дружеские отношения со Страханом, который четырьмя годами ранее заявил: «Мы разные, но мы не расходимся во мнениях». В тот самый день, когда Франклин писал свое неотправленное письмо, Страхан писал ему из Лондона, сокрушаясь, что разгорающаяся война приведет в конце концов к «уничтожению целостности наиболее славной из когда-либо существовавших структур светского и религиозного правления». Они продолжали переписываться в 1775 году, причем Страхан просил Франклина вернуться в Англию «с предложениями компромисса». Франклин ответил в октябре предложением о том, чтобы Страхан «направил нам предложения справедливого мира, если вы выберете его, и никто не будет готов более, чем я, поддерживать их, так как я взял себе за правило не смешивать личные обиды с общественной деятельностью». Он подписал свое письмо так же, как Страхан свое: «Ваш преданный и покорный слуга». Год спустя, когда Франклин прибыл в Париж в качестве посланника Америки, он получил в подарок головку стилтонского сыра, которую Страхан прислал ему из Лондона⁸.)

Седьмого июля Франклин написал еще двум близким английским друзьям. В послании к епископу Шипли он резко выступал против применявшейся англичанами тактики настраивания рабов и индейцев против колонистов, а затем извинялся за гневный тон своего письма. «Если спокойный и флегматичный от природы человек может настолько разгорячиться в позднем возрасте, способном остудить самые горячие чувства, то именно сейчас вы имеете такого человека, в настоящее время близкого к бешенству»⁹.

В письме к Джозефу Пристли он жаловался, что Петиция оливковой ветви обречена. «Мы привезли очередную смиренную просьбу короне, чтобы дать Британии еще один шанс, еще одну возможность вернуть дружбу колоний. Исполнить ее, я полагаю, у британской короны не хватит разума, и поэтому делаю вывод, что она потеряла колонии навсегда». В письме к Пристли содержалось также краткое описание рабочего дня Франклина и разговор об экономии в американских колониях:

Мое время никогда еще не использовалось так полно. В шесть часов утра я заседаю в комиссии по безопасности, куда меня назначила Ассамблея для приведения провинции в состояние обороны; в комиссии работаю до девяти, после чего отправляюсь на заседания конгресса, которые продолжаются до четырех часов дня... Бережливость и трудолюбие принимают здесь очаровательные формы. Джентльмены, которые прежде заказывали по два-три блюда, гордятся теперь тем, что съедают просто кусок мяса с пудингом. Таким образом, в условиях чахнувшей торговли с Британией мы сможем платить больше добровольных налогов, направляемых на поддержку наших войск¹⁰.

Получив свободу действий после личного разрыва с сыном и публичного разрыва со Страханом, Франклин стал одним из самых горячих противников Британии среди членов Континентального конгресса. Он работал в комиссии по внесению поправок в декларацию, которую должен был выпустить генерал Вашингтон, и результаты его усилий выглядели так, что конгресс побоялся принимать декларацию или публиковать ее. Совершенно очевидно, что документ вышел из-под пера Франклина. В нем содержались фразы, которые Франклин использовал, чтобы опровергнуть заявления Британии о финансировании обороноспособности колоний («беспочвенные утверждения и злонамеренные измышления»). Даже завершился документ серьезным сравнением американо-британских отношений с отношениями между Британией и Саксонией («ее метрополией») — сравнением, которое он прежде в шутку делал в пародии «Эдикт короля Пруссии». В еще более строго сформулированной преамбуле к резолюции конгресса о каперстве, которую Франклин составил, но никогда не представлял на рассмотрение, он обвинял Британию в «использовании любой несправедливости, которая может диктоваться алчностью и осуществляться под влиянием жадности» и в «откровенном грабеже под прикрытием официального постановления парламента, в соответствии с которым все наши владения признаются их владениями»¹¹.

Теперь даже у клеветников Франклина больше не оставалось сомнений в том, какова его истинная позиция. Мэдисон, который, подобно многим виргинцам, постоянно хотел получать сведения о Франклине, попросил Брэдфорда выяснить, по-прежнему ли циркулируют слухи о его двурушничестве. «Продолжают ли распространяться сплетни о поведении доктора Франклина?» Брэдфорд признался, что мнения изменились. «Подозрения в отношении доктора Франклина исчезли. Каким бы ни был его ближайший проект, я уверен, что теперь он выбрал подходящую ему сторону и благоволит нашему делу».

Джон Адамс также сообщал своей жене Эбигейл, что Франклин окончательно перешел в революционный лагерь. «Он, не колеблясь, поддерживает наши самые смелые действия и даже, по-видимому, считает нас слишком нерешительными». Этот завистливый к чужой славе оратор не мог подавить легкого раздражения: британцы верили, что американская оппозиция «всем обязана» Франклину, а «их бумагомаратели припишут настроение и результаты работы этого конгресса именно ему»¹².

Первый проект Статей Конфедерации

Чтобы колонии отважились на мятеж, людям нужно было осознать себя новой нацией. Чтобы быть независимыми от Британии, колониям нужно было стать более зависимыми друг от друга. Как лидер, очень часто путешествующий и минимально приверженный местническим интересам, Франклин долгое время поддерживал идею создания Конфедерации — еще со времен с плана, который он составил в Олбани в 1754 году.

Этот план, так никогда и не принятый, предполагал учреждение межколониального конгресса, который был бы лоялен королю. Теперь, в 1775 году, Франклин вновь

выдвинул эту идею, но с одним важным отличием: хотя его план учитывал возможность того, что новая конфедерация останется частью королевской империи, он был составлен таким образом, чтобы работать даже в случае отделения Америки от метрополии.

Статьи Конфедерации и Бессрочного союза, представленные Конгрессу 21 июля, как и план, выдвинутый в Олбани, содержали зачатки значительного концептуального прорыва, который в конечном итоге определил федеративное устройство Америки на принципах разделения власти между центральным правительством и правительствами штатов. Однако Франклин шел впереди своего времени. Он предложил, чтобы центральное правительство было достаточно сильным — более сильным, чем в конце концов созданное в соответствии с фактическими статьями Конфедерации, которые Конгресс начал разрабатывать в следующем году.

Многие формулировки Франклина были взяты из планов создания конфедерации в Новой Англии, которые, в свою очередь, вели происхождение от плана, составленного поселенцами в Массачусетсе и Коннектикуте в 1643 году. Но масштаб и властные полномочия значительно превосходили все, что предлагалось когда-либо прежде. «Конфедерации будет впредь называться Соединенными колониями Северной Америки, — так начинался подробный документ из тринадцати статей, составленный Франклином. — Вышеупомянутые Соединенные колонии входят, таким образом, в прочную Лигу дружбы, обязывая себя и последующие поколения обороняться от врагов, отстаивать свободы и имущество, обеспечивать безопасность граждан и их семей и защищать общее благосостояние»¹³.

Согласно предложению Франклина, Конгресс должен был состоять из одной палаты, в которой каждый штат имел бы представительство, пропорциональное численности населения. Конгресс должен был обладать властью вводить налоги, объявлять войну, руководить армией, создавать международные союзы, решать споры между колониями, образовывать новые колонии, выпускать единую валюту, создавать почтовую систему, регулировать торговлю и вводить в действие законы, «необходимые для общего благоденствия». Франклин также предлагал, чтобы вместо одного президента Конгресс назначал «исполнительный совет» из двенадцати человек, члены которого занимали бы свои должности в течение трех лет. Франклин включил также особое условие: в случае если Британия примет требования Америки и выплатит финансовые компенсации за нанесенный ущерб, союз может быть распущен. В противном случае «эта конфедерация будет сохраняться вечно».

Как прекрасно понимал Франклин, это в значительной степени было равнозначно декларации независимости от Британии и декларации зависимости колоний друг от друга. Ни одна из этих идей не имела до сих пор широкой поддержки. Поэтому он зачитал свое предложение с тем, чтобы оно было зафиксировано в протоколе, но не поставил его на голосование. Он согласился ждать часа, когда остальная часть Континентального конгресса последует за ним.

В конце августа, когда для Темпла настало время возвращаться из Нью-Джерси в Филадельфию, Уильям неожиданно предложил сопровождать мальчика в поездке. Франклин, которого не радовала перспектива прибытия его сына-лоялиста в город, где заседал мятежный Конгресс, решил сам отправиться за внуком¹⁴.

Темпл был долговязым, любящим повеселиться подростком, столь же неорганизованным, как и большинство его пятнадцатилетних сверстников. Немало писем пришлось рассылать, чтобы вернуть забытые им где попало личные вещи. Его мачеха часто говорила ему: «Тебе очень не везет с одеждой». Уильям прилагал много усилий для сохранения видимости семейной гармонии и включал добрые слова о Франклине в каждое свое письмо Темплу. Борясь за привязанность сына, он также старался удовлетворять частые потребности Темпла в деньгах, в результате чего мальчик получал меньше уроков экономии, чем другие члены семьи.

И вновь Франклин оказался в окружении близких, что он находил весьма приятным: рядом с ним дочь и ее муж, двое их детей (шестилетний Бенни и двухлетний Уильям), Темпл и наконец Джейн Миком, его единственная оставшаяся в живых сводная сестра. Ни в одном из писем того времени, которыми мы располагаем, имя Деборы не упоминается; казалось, жизнь на Маркет-стрит протекала без нее.

Теперь Франклин был в состоянии в прямом и в переносном смысле закрыть счета в отношениях с параллельной лондонской семьей.

Он выслал миссис Стивенсон тысячу фунтов в счет погашения своей задолженности по квартирной плате и настоятельно порекомендовал вложить эти деньги в покупку земли, а не в ценные бумаги. «Британия начала с нами войну, которая, как я понимаю, вряд ли закончится быстро, — писал он, — весьма вероятно, что бумаги быстро упадут в цене».

Что касается миссис Стивенсон, то она впала в «плохое настроение», тоскуя о нем. «Без воодушевляющей надежды провести остаток жизни вместе с вами, — писала Франклину ее подруга, — она будет очень несчастна». Отвечая на письмо, Франклин в своей жизнерадостной манере снова предложил заключить брак, но на этот раз между своим внуком Бенни и дочерью Полли Стивенсон Элизабет Хьюсон¹⁵.

Поездка в Кембридж

Франклин служил своей стране, двигавшейся по пути революции, в ролях, причисляемых человеку его возраста: дипломата, заслуженного государственного деятеля, мудреца и погруженного в дремоту делегата. Но он по-прежнему имел склонность и талант к «ручному» управлению, к организации и к практической реализации намеченного.

Он был очевидной кандидатурой на пост главы комиссии по замене британской почтовой системы и затем, в июле, стал новым американским почтовым министром. Эта работа приносила неплохой доход в тысячу фунтов в год, но патриотизм Франклина пересилил его экономность: он стал перечислять заработную плату на лечение раненых солдат. «У нас люди могут быть столь же старательны в стремлении к общему благу, как у вас в стремлении зарабатывать тысячи в год, — писал он Пристли. — В этом состоит различие между некоррупцированными новыми государствами и коррупцированными старыми». Однако его приверженность nepотизму оставалась неизменной: Ричард Бейч получил в новой системе должность финансового ре-визора.

Франклин также отвечал за создание системы обращения бумажных денег, что было одним из его давних увлечений. Как обычно, он с головой погрузился в детали. Используя ботанические знания о структуре жилок листьев различных деревьев, сам создал рисунки для банкнот, чтобы максимально затруднить их подделку. И вновь Бейч получил протекцию: оказался одним из тех, кого Франклин выбрал для контроля за процессом печатания новых купюр.

Помимо этих назначений, Франклин также руководил процессом сбора свинца для отливки пуль, занимался поиском способов производства ружейного пороха и возглавлял работу комиссий по установлению отношений с индейцами и стимулированию торговли с врагами Британии. Кроме того, он стал главой комитета самообороны Пенсильвании. В этой должности наблюдал за строительством системы секретных подводных заграждений, призванных предотвратить проникновение военных кораблей неприятеля в акваторию реки Делавэр. Он составлял подробные предложения, изобилующие историческими ссылками, об использовании солдатами пик и даже луков и стрел (подобные предложения, сделанным в 1755 году, использовать собак) в целях компенсации нехватки пороха в колониях.

Идея использования стрел могла бы показаться экстравагантной, но он обосновывал ее в письме, направленном в Нью-Йорк генералу Чарльзу Ли. Вот какие аргументы он, в частности, приводил: «Человек может стрелять из лука точно так же, как из обычного мушкета. <...> Он может выпустить четыре стрелы за то же время, которое требуется, чтобы зарядить мушкет и выпустить одну пулю. <...> Полет стрелы, видимый человеческому глазу, устрашает врагов и отвлекает их внимание от выполнения боевых задач. Человек в результате попадания стрелы в любую часть тела выведен из строя до тех пор, пока стрела не будет извлечена»¹⁶.

С учетом возраста и физической немощи Франклина можно было бы ожидать, что он станет использовать свой опыт, пребывая в комфортных условиях в Филадельфии. Но среди его качеств была постоянная готовность или даже страстное желание участвовать не в абстрактном теоретизировании, а в практических делах любого рода. К тому же путешествия, как и в молодые годы, поднимали его жизненный тонус. Так, он совершил поездки по поручению Конгресса в октябре 1775 и в марте 1776 года.

Октябрьская поездка стала ответом на обращение генерала Вашингтона, принявшего командование разношерстным народным ополчением Массачусетса и старавшегося превратить его, как и прибывавших к нему жителей глухих окраин колоний, в ядро боеспособной континентальной армии. При плохом воинском снаряжении и падающем боевом духе было непонятно, сможет ли он сохранить свое войско в течение зимы. Поэтому Конгресс назначил комиссию для наблюдения за ситуацией, и хотя этим практически ограничивались все ее полномочия, Франклин согласился ее возглавить.

Накануне отъезда он написал письма двум британским друзьям, чтобы обратить их внимание на решимость американцев добиться победы. «Теша себя надеждой подчинить нас, вы не понимаете ни наших людей, ни нашей страны», — объяснял он Дэвиду Хартли. В письме к Джозефу Пристли он привел несколько математических выкладок, чтобы над ними мог поразмышлять один из их общих друзей: «Британия, израсходовав три миллиона, убила в этой кампании 150 янки, то есть потратила

20 000 фунтов на каждого убитого. <...> За то же время в Америке родилось 60 000 детей. На основе этих данных его математический ум легко может рассчитать время и количество денег, которые нужно потратить, чтобы уничтожить всех нас»¹⁷.

Франклин и два других члена комиссии встречались с генералом Вашингтоном в Кембридже в течение недели. Дисциплина войск представляла большую проблему, и Франклин приступил к ее разрешению в своей обычной тщательной манере, зарабатывая (как он делал это двадцатью годами ранее для ополчения Пенсильвании) невероятно подробные методики и процедуры. Например, перечень предписываемых наказаний предусматривал от двадцати до тридцати девяти ударов плетью для часовых, заснувших на посту, штраф в размере месячного жалования для офицера, отсутствующего в своей части без официального разрешения, семидневное пребывание в тюрьме на хлебе и воде для рядовых, отсутствующих без увольнительной, и смертную казнь для бунтовщиков. Пищевой рацион для каждого военнослужащего определялся с той же тщательностью: фунт мяса или соленой рыбы в день, фунт хлеба, пинта молока, кварта пива или сидра и так далее, вплоть до количества мыла и свечей¹⁸.

Когда комиссия готовилась к отъезду, Вашингтон попросил ее обратить внимание Конгресса на «необходимость наличия и регулярной высылки денег». Это представляло для колоний наибольшую трудность, и Франклин предложил типичный для него способ получения 1,2 миллиона фунтов в год просто за счет усиления экономики. «Если пятьсот тысяч семей будут тратить каждую неделю на один шиллинг меньше, — объяснял он Бейчу, — то они смогут оплатить всю сумму, даже не почувствовав этого. Воздержание от потребления чая обеспечит три четверти этих денег, а пятьсот тысяч женщин, изготавливая пряжу или вязаные вещи на три пенса каждую неделю, принесут остальную часть суммы». Со своей стороны Франклин направил свое жалование почт-директора и сто фунтов, которые миссис Стивенсон сумела собрать в Лондоне, на лечение раненых американцев. Он также взыскал с Ассамблеи Массачусетса деньги, которые она была должна ему за выполнение функций лондонского агента и которые он сберет¹⁹.

Во время этой поездки на одном из обедов он встретился с женой Джона Адамса, Эбигейл, которая позже пренебрежительно отзывалась о нем, но в тот вечер была им очарована. Описание, сделанное в письме к мужу, показывает, что она хорошо поняла манеру его поведения, но не его религиозные убеждения:

Я нашла его общительным, но не болтливым, и когда он говорил, то что-то весьма похвальное слетало с его языка. Он был важным, однако приятным и любезным. Вы знаете, что я претендую на знание физиогномики, и я думаю, что смогла прочесть на его лице добродетели его сердца, среди которых патриотизм проявлялся в полной мере, и этот патриотизм дополняется всеми христианскими добродетелями, так как истинный патриот должен быть религиозным человеком²⁰.

На обратном пути в Филадельфию Франклин сделал остановку в Род-Айленде, чтобы встретиться со своей сестрой Джейн Миком. Она бежала из занятого британцами Бостона и нашла приют у старых знакомых Франклина — Кэтрин Рэй Грин и ее мужа.

В доме Кэти проживали десятки беженцев, преимущественно родственников и друзей, и Франклин беспокоился, что Джейн, «должно быть, оказалась большой обузой для этого гостеприимного дома». Фактически же, как отмечает Клод Анн Лопес, «Джейн и Кэти, которых разделяло целое поколение, множество жизненных обстоятельств и особенности характера, находились в прекрасных отношениях». Подобно тому, как Франклин имел обыкновение находить неродных дочерей для себя, Джейн нашла и стала воспитывать Кэти. («Благодарю Бога за то, что у меня есть ты!» — писала Джейн Кэти, хотя у нее была собственная дочь, с которой она не поддерживала отношений²¹.)

Франклин ответил любезностью на любезность. Забирая Джейн, убедил десятилетнего сына Кэти по имен Рэй отправиться с ними в Филадельфию и поступить вместе с Темплом в тамошний колледж. Поездка в карете по Коннектикуту и Нью-Джерси доставила Джейн большое удовольствие. «Речи моего дорогого брата мне даже более приятны, чем самая прекрасная погода», — сообщала она Кэти. Добрые чувства оказались настолько прочны, что позволили преодолеть любые политические разногласия во время краткого пребывания в губернаторском особняке в Перт-Эмбой, куда они заехали, чтобы навестить Уильяма.

После этого визита Франклину суждено было увидеть сына еще только раз: во время их последней напряженной встречи, состоявшейся десятью годами позже в Лондоне. Но тогда ни один из них об этом не знал, и встреча была короткой. «Мы хотели, чтобы они задержались подольше, — писала Темплу жена Уильяма, — но папа стремился поскорее домой»²².

После возвращения комиссии в Филадельфию Конгрессом было создано несколько подразделений морской пехоты с целью захвата военных грузов, доставляемых из Англии. Франклин рассказывал, что один из барабанщиков нарисовал на своем барабане гремучую змею, предупреждающую: «Не наступи на меня». В неподписанной статье, наполненной смелым юмором с долей яда, Франклин утверждал, что этот рисунок должен стать символом, а текст к нему — девизом борющейся Америки. Гремучая змея, как отмечал Франклин, не имеет глазных век и, «следовательно, может считаться символом бдительности». Она также никогда не атакует первая, а вступив в борьбу, никогда не сдаётся и «поэтому является символом великодушия и истинного бесстрашия». Что касается колец на хвосте гремучей змеи, то у змеи, нарисованной на барабане, их ровно тринадцать, «что соответствует числу объединившихся американских колоний. Как я помню, только количество колец на теле змеи может увеличиваться». Кристофер Гадсон, делегат Конгресса от Южной Каролины, подхватил предложение, содержащееся в статье Франклина, и нарисовал желтый флаг с изображением гремучей змеи, подписав: «Не наступи на меня». В начале 1776 года этот флаг использовали первые подразделения морской пехоты, а позднее и многие другие подразделения бойцов народного ополчения²³.

Канада

Осенняя миссия в окрестностях Бостона была вполне логичной — достаточно легкое путешествие в родной город. Решение Конгресса отправить Франклина с новой миссией и согласие на эту поездку объяснить не так просто. В марте

1776 года Франклин, которому на тот момент было уже семьдесят лет, отправился в путешествие в Квебек.

Объединенные американские силы, часть которых возглавлял патриотически настроенный Бенедикт Арнольд, вторглись в Канаду с целью помешать англичанам направить военную экспедицию вниз по Гудзону и проникнуть на территорию колоний. Попавшие в ловушку и оказавшиеся в осаде американские войска провели трудную зиму и обратились к Конгрессу с просьбой о подкреплениях. И вновь конгресс отреагировал на просьбу созданием комиссии, во главе которой опять оказался Франклин.

В первый день своего путешествия Франклин и другие члены комиссии проехали чуть севернее Перт-Эмбой, где Уильям продолжал изображать видимость сохранения власти, даже несмотря на то, что местные повстанцы ограничили свободу его перемещений. Франклин не стал наносить визит сыну, который стал теперь противником. Действительно, Уильям наглядно продемонстрировал, кому он верен, отправив в Лондон всю информацию, которую сумел собрать о миссии своего отца. «Доктор Франклин, — отмечал он, — планирует убедить канадцев вступить в союз с другими колониями». Однако в письмах к Темплу Уильям высказывал сожаления и страхи. Достаточно ли здоров старик для такого путешествия? Есть ли способ уговорить его остаться дома? «Ничто не причиняет мне больше страданий, чем эта его поездка».

К тому времени, когда путешественники достигли Саратоги, где им пришлось дожидаться, пока растает лед на озерах, Франклин понял, что в этой поездке мог бы и не выжить. «Я взялся за тяжелое предприятие, которое для моего возраста может оказаться слишком трудным, — писал он Джозае Квинси. — Поэтому я сел писать нескольким друзьям что-то вроде прощальных писем». Но он немного лукавил. После тяжелого месячного путешествия, в течение которого ему не раз приходилось спать на полу в покинутых домах, Франклин прибыл в Монреаль. По дороге он обзавелся шапкой из меха куницы, которую сделал знаменитой, когда, будучи послом в Париже, носил ее в качестве неотъемлемого атрибута своего имиджа мудреца из заморской лесной глуши²⁴.

Несмотря на трудное положение войск, Бенедикт Арнольд угостил Франклина и его коллег роскошным ужином, что оказалось возможно благодаря щедрости молодых французских дам. Увы, Франклин был не в состоянии насладиться подарком. «Я страдал от многочисленных крупных фурункулов, — писал он позже. — В Канаде мои ноги опухли, и я опасался водянки».

Военная ситуация была не лучше. Осажденная американская армия ждала, что члены комиссии привезут необходимые средства, и испытала большое разочарование, когда узнала, что ее ожидания не сбылись. С другой стороны, возглавляемая Франклином делегация надеялась собрать нужные средства среди канадцев, но это оказалось невозможным. Франклин выдал Арнольду триста пятьдесят три фунта золотом из своего кармана. Этот красивый жест произвел благоприятное впечатление, но мало помог исправлению ситуации.

Франклин получил инструкции попытаться убедить Квебек присоединиться к американскому восстанию, но решил даже не делать таких попыток. «До прибытия денег представляется совершенно неуместным предлагать создание федерального

союза этой провинции с другими, — докладывал он, — так как те немногие друзья, которых мы здесь имеем, вряд ли отважатся продвигать эту идею до тех пор, пока не увидят, что наша платежеспособность восстановлена и что к нам прибыло достаточное подкрепление».

Когда появились сведения, что из Англии отправилась очередная флотилия, канадцы стали еще менее гостеприимны. Комиссия сделала следующий неизбежный вывод: «Если невозможно получить деньги для достойной поддержки вашей армии, чтобы она вызывала уважение, а не ненависть народа, то мы повторим свое твердое и единодушное мнение о том, что ее лучше немедленно отсюда вывести».

Франклин, чувствующий себя обессиленным и потерпевшим поражение, в течение мая прилагал усилия для возвращения в Филадельфию. «С каждым днем я чувствую себя все более слабым», — писал он. Когда же он вернулся домой, приступы подагры стали настолько сильными, что он целыми днями не выходил на улицу. Казалось, поездка в Канаду — последняя его миссия на благо своей страны.

Но силы стали постепенно возвращаться, чему способствовали визит генерала Вашингтона и известия о важном событии, которое вскоре должно было произойти. Его слабое здоровье, как писал он Вашингтону 21 июня, «держало меня вдали от конгресса и компании почти постоянно с тех пор, как вы покинули нас, поэтому я мало знаю о том, что там делается, за исключением подготовки Декларации независимости»²⁵.

Путь к Декларации

До 1776 года большинство колониальных лидеров верили — или вежливо соглашались верить — в то, что Америка спорит с введенными в заблуждение королевскими министрами, а не с самим королем и не с концепцией королевской власти. Чтобы достичь независимости, нужно было убедить сограждан и себя самих осуществить непростой шаг, отказавшись признавать это различие. Одним из событий, способствовавших этому, стала публикация в январе того года анонимного сорокастраничного памфлета под названием «Здравый смысл».

Автор памфлета, написанного в прозе простым, но выразительным языком, который часто использовал Франклин, доказывал: не существует «природной или религиозной причины для разделения людей на королей и подданных». Правило передачи престола по наследству является исторической мерзостью. «Один честный человек больше ценен для общества и угоден Богу, чем все когда-либо жившие на свете коронованные головорезы». Таким образом, у американцев оставался только один путь: «Все, что является справедливым или естественным, умоляет об отделении».

В течение нескольких недель после появления памфлета в Филадельфии было продано сто двадцать тысяч экземпляров. Многие считали автором памфлета Франклина, так как в нем нашли отражение его резкие мысли о развращенности наследственной власти. В действительности же Франклин приложил руку к этому сочинению скорее косвенным образом: настоящим автором был дерзкий лондонский квакер по имени Томас Пейн. Ранее Пейн потерпел неудачу на поприще изготовления корсетов, был уволен с должности клерка налогового ведомства, а затем добился чести быть представленным Франклину, который, что неудивительно, проявил к нему симпатию.

Когда Пейн решил эмигрировать в Америку и стать там писателем, Франклин обеспечил ему переезд и написал в 1774 году письмо Ричарду Бейчу с просьбой помочь устроить Пейна на работу. Вскоре Пейн получил в Филадельфии место печатника и стал оттачивать мастерство эссеиста. Когда он показал Франклину рукопись «Здравого смысла», тот оказал ему искреннюю поддержку и предложил сделать несколько исправлений²⁶.

Памфлет Пейна вдохновил силы, выступавшие за революцию. Легислатуры колоний стали проявлять меньше осторожности и настолько пересмотрели инструкции своим делегатам, что разрешили им обсуждать вопрос о независимости. Седьмого июня, когда Франклин выздоровел, делегат от Виргинии Ричард Генри Ли, брат и вечный соперник Артура Ли, выдвинул официальное предложение: «Соединенные колонии являются и по праву должны быть свободными и независимыми государствами». Хотя Конгресс отложил голосование по этому предложению на несколько недель, он предпринял немедленные шаги к достижению независимости, непосредственно повлиявшие на семейство Франклинов, а именно распорядился распустить все королевские органы власти в колониях. Патриотически настроенные конгрессы провинций стали проявлять напористость, и один из них — конгресс штата Нью-Джерси — объявил 15 июня 1776 года губернатора Уильяма Франклина «врагом свобод страны». Однако в знак уважения к тому, что он был Франклином, приказ об аресте Уильяма содержал указание обращаться с ним «со всей той деликатностью и мягкостью, которая допускается характером данного дела».

Но Уильям не был настроен проявлять деликатность и мягкость. Его выступление на суде 21 июня было настолько вызывающим, что один из судей описывал его как «во всех отношениях соответствующее его высокому происхождению», скорее имея в виду его незаконнорожденность, чем знаменитое родство по отцовской линии. Со своей стороны, старший Франклин действовал не слишком по-отечески. Его письмо Вашингтону, в котором говорилось о подготовке Декларации независимости, было написано в день, когда допрашивали сына, но Франклин даже не упомянул об этом событии. Он также не произнес ни слова и не предпринял никаких действий, чтобы помочь ему, когда Континентальный конгресс тремя днями позже проголосовал за заключение Уильяма в тюрьму Коннектикута.

Таким образом, слова, которые Уильям написал накануне заключения сыну, находившемуся теперь под неусыпной опекой деда, выглядели болезненно великодушными: «Мой дорогой мальчик, благослови тебя Бог, будь почтительным и внимательным к своему деду, которому ты обязан очень многим». Завершал он письмо с несколько натянутым оптимизмом: «Если мы переживем сегодняшнюю бурю, то все сможем встретиться и с удовольствием насладиться радостями мирной жизни»²⁷.

Они пережили бурю и действительно встретились снова, но им никогда не пришлось больше вместе наслаждаться радостями жизни. Раны, нанесенные событиями 1776 года, оказались слишком глубокими.

Редактор Джефферсона

В то время когда Конгресс готовился к голосованию по вопросу о независимости, была назначена комиссия для выполнения некоего дела. На тот момент оно

не представлялось важным, зато впоследствии оказалось фундаментальной задачей. Это было составление декларации, разъяснявшей суть решения. В комиссию, разумеется, вошел Франклин, а кроме него — Томас Джефферсон, Джон Адамс, коммерсант из Коннектикута Роджер Шерман и нью-йоркский адвокат Роберт Ливингстон²⁸.

Как же оказалось, что Джефферсон, которому было всего тридцать три года, удостоился чести составлять такой документ? Его имя стоит первым в списке членов комиссии, и это означает, что он был ее председателем, потому что получил наибольшее число голосов и потому что был из Виргинии, колонии, которая предложила резолюцию. Четверо его коллег занимали посты в других комиссиях, которые считали более важными, и ни один из них не понимал, что документ в конце концов станет рассматриваться как текст, подобный священному писанию.

Со своей стороны Адамс ошибочно полагал, что уже обеспечил себе место в истории, написав преамбулу к резолюции 10 мая, призывавшей к демонтажу системы королевской власти в колониях. Он самоуверенно заявил, что этот документ будет рассматриваться историками как «самая важная резолюция, когда-либо принятая в Америке».

Несколькими годами позже в присущей ему напыщенной манере Адамс утверждал, что Джефферсон хотел, чтобы именно он сочинил текст декларации, но что он убедил молодого человека взять эту честь на себя, сказав ему: «Причина первая: вы виргинец, а виргинец должен быть во главе этого дела. Причина вторая: я неприятный, подозрительный и непопулярный человек. Вы же совсем другой. Причина третья: вы пишете в десять раз лучше, чем я». По воспоминаниям Джефферсона, все обстояло иначе. Комиссия «единодушно настояла на том, чтобы я один составил проект», — писал он²⁹.

Что касается Франклина, то он по-прежнему лежал в постели со своими фурункулами и подагрой, когда впервые встретился с членами комиссии. Кроме того, позже он говорил Джефферсону: «Я взял себе за правило всякий раз, когда это в моей власти, избегать роли составителя документов, которые будут рецензироваться государственными учреждениями».

Таким образом, именно Джефферсон удостоился чести написать несколько фраз, вошедших в число самых знаменитых в истории человечества. Сидя в одиночку в своей комнате на втором этаже в доме на Маркет-стрит, всего в одном квартале от дома Франклина, он написал знаменитые начальные слова: «Когда ход событий...» Важно отметить, что затем последовала атака не на британское правительство (то есть министров), а на воплощение британского государства (то есть короля). «Атака на короля, — отмечает историк Полина Майер, — была конституционной по форме. Именно поэтому англичане объявили произошедшее революцией»³⁰.

Документ, составленный Джефферсоном, во многих отношениях был подобен тому, который написал бы Франклин. В нем содержался перечень претензий к британцам и подробно описывались, как это часто делал Франклин, попытки Америки к примирению несмотря на непреклонность Англии. Действительно, слова Джефферсона в чем-то перекликаются со словами, которые ранее использовал Франклин в том же году в проекте резолюции, который не был опубликован.

Поскольку всякий раз, когда короли вместо того, чтобы защищать жизни и имущество подданных, что является их священным долгом, предпринимают усилия по уничтожению и того и другого, они таким образом перестают быть королями, становятся тиранами и разрывают все узы верности между собой и народом, то мы далее торжественно заявляем, что как только нам станет ясно, что войска и корабли короля прибыли в Америку или собираются прибыть туда в будущем по *приказам Его Величества*, чтобы уничтожить любой город или жителей любого города или поселка, или что по тому же приказу дикари завербованы для убийства наших бедных переселенцев и членов их семей, с того момента мы полностью перестанем признавать свою лояльность Великобритании до тех пор, пока это королевство будет подчиняться ему или любому из его потомков как своему повелителю³¹.

Однако стиль Джефферсона отличался от стиля Франклина. Он был украшен плавными каденциями и приятными для слуха фразами, поэтичными и в то же время мощными, несмотря на гладкость. К тому же Джефферсон опирался на глубокую философию, чего нельзя найти у Франклина. Он воспроизводил язык и идеи английских и шотландских мыслителей эпохи Просвещения, и наиболее важная — концепция естественных прав, выдвинутая Джоном Локком, сочинение которого «Второй трактат о правлении» автор прочитал не менее трех раз. И он разработал свою аргументацию в более изощренной манере, чем это сделал бы Франклин, используя концепцию договора между государством и его подданными, договора, основанного на общем согласии людей. Также следует отметить, что Джефферсон свободно заимствовал фразы других авторов, в том числе из знаменитой Декларации прав в новой конституции Виргинии, составленной хорошо знакомым ему плантатором Джорджем Мейсоном. Делал это в манере, которая сегодня могла бы породить обвинения в плагиате, но в то время считалась не только уместной, но и свидетельствующей об учености. Действительно, когда раздраженный Джон Адамс, с завистью воспринимавший похвалы в адрес Джефферсона, указал несколько лет спустя на то, что в Декларации не было новых идей и что многие фразы в ней были взяты у других авторов, Джефферсон парировал: «Я никоим образом не считал своей обязанностью изобретать новые идеи, не используя мнений, высказанных когда-либо прежде»³².

Завершив проект Декларации и внося в него несколько изменений, предложенных Адамсом, он отослал его Франклину в пятницу утром 21 июня. «Не будет ли доктор Франклин так любезен внимательно просмотреть его, — писал он в сопроводительной записке, — и предложить изменения, которые подскажет его более широкий взгляд на этот предмет?»³³ В то время люди вели себя со своими редакторами гораздо более вежливо.

Франклин сделал в проекте всего несколько поправок. Часть можно увидеть — они написаны его рукой на том, что сам Джефферсон называл черновым наброском Декларации. (Этот замечательный документ хранится в библиотеке Конгресса и опубликован на ее веб-сайте.) Наиболее важная из поправок была небольшой, но весьма существенной. Сильными движениями пера он вычеркнул последние три слова в предложении Джефферсона «Мы считаем эти истины священными

и неоспоримыми» и заменил их словами, которые теперь вписаны в скрижали истории: «Мы считаем эти истины самоочевидными»³⁴.

Идея о «самоочевидных истинах» основывалась в меньшей степени на трудах Джона Локка, любимого мыслителя Джефферсона, чем на научном детерминизме Исаака Ньютона и аналитическом эмпиризме близкого друга Франклина Дэвида Юма. В рамках того, что получило название «вилки Юма»*, великий шотландский философ наряду с Лейбницем и другими мыслителями разработал теорию, проводившую различие между синтетическими истинами, описывающими несомненные факты (например, «Лондон больше Филадельфии»), и аналитическими истинами, которые становятся очевидными благодаря использованию доводов разума и определений (например, «сумма углов треугольника равна 180°», «все холостяки неженаты»). Используя слово «священный», Джефферсон заявлял, намеренно или нет, что рассматриваемый принцип — равенство людей и наделение их Создателем неотчуждаемыми правами — есть религиозное утверждение. Поправка Франклина превращала его в утверждение рациональности.

Другие поправки Франклина оказались менее удачны. Он заменил слова Джефферсона «подчинить их деспотической власти» на «подчинить их абсолютному деспотизму» и образное «вторгнуться и залить нас кровью» на более скупое «вторгнуться и уничтожить нас». А несколько его изменений выглядят откровенно педантичными: например, «размер их жалованья» превращается в «размер и выплаты их жалованья»³⁵.

Второго июля Континентальный конгресс наконец-то сделал важный шаг на пути к голосованию по вопросу о независимости. Пенсильвания была одним из последних штатов, державшихся до конца; вплоть до июня ее легислатура инструктировала своих делегатов решительно противиться любым действиям, «которые могут подтолкнуть или привести к отделению от метрополии». Но под давлением более радикального крыла легислатуры инструкции были изменены. Возглавляемая Франклином делегация Пенсильвании, за исключением воздержавшегося консерватора Джона Дикинсона, присоединилась к делегациям остальных колоний и приняла участие в голосовании по вопросу о независимости.

Как только голосование завершилось, Конгресс превратил сам себя в одну большую комиссию по рассмотрению проекта Декларации Джефферсона. Но члены этой комиссии не были столь тактичны в своих редакторских усилиях, как Франклин. Большие разделы были по сути выхолощены, в особенности тот, в котором король критиковался за сохранение работорговли. Конгресс также, к его чести, сократил более чем наполовину пять последних параграфов проекта, в которых Джефферсон настолько бессвязно излагал свои мысли, что это отвлекало читателя от основного содержания документа³⁶. Джефферсон буквально обезумел от горя. «Я сидел рядом с доктором Франклином, — вспоминал он, — который понимал, что я не могу быть нечувствительным к кромсанию моего текста».

Но процесс (помимо улучшения великого документа) имел еще одно благоприятное последствие: Франклин, стараясь утешить Джефферсона, рассказал ему одну

* Утверждение, согласно которому истинные высказывания выступают в двух формах: «отношения идей» (в особенности математика) и «основания факта». *Прим. ред.*

из самых знаменитых маленьких историй своей жизни. Когда Франклин был молодым печатником, его друг, начавший заниматься производством шляп, захотел сделать вывеску для своей мастерской. Вот как рассказывал об этом сам Франклин:

Он придумал для нее следующий текст: «Джон Томпсон, шляпник, изготавливает и продает шляпы за наличные деньги» — и дополнил его изображением шляпы. Но затем решил показать ее своим приятелям, чтобы они предложили ему поправки. Первый, увидевший надпись, решил, что слово «шляпник» является тавтологией из-за последующих слов «изготавливает шляпы», которые и так говорят о характере занятий. Слово было вычеркнуто. Второй приятель заметил, что слово «изготавливает» также может быть опущено, потому что покупателей не волнует, кто изготавливает шляпы.

Это слово также было убрано. Третий приятель сказал, что, по его мнению, слова «за наличные деньги» не нужны, так как в их городе не принято торговать в кредит. Считалось само собой разумеющимся, что каждый, кто совершает покупку, платит за нее наличными. Эти слова также были удалены, и теперь надпись гласила: «Джон Томпсон продает шляпы». «Продает шляпы, — сказал четвертый приятель, — но ведь никто не ожидает, что ты будешь раздавать их даром. Для чего эти слова?» Они также были удалены, как и слово «шляпы» — ведь изображение шляпы и так мог видеть каждый покупатель. В конце концов на вывеске остались слова «Джон Томпсон», дополненные изображением шляпы³⁷.

На состоявшейся 2 августа официальной церемонии подписания начертанного на пергаменте текста Декларации председатель Конгресса Джон Хенкок поставил на документе свою подпись со знаменитой завитушкой. «Мы не должны пытаться идти разными путями, — провозгласил он. — Нам всем необходимо сплотиться». Согласно одному из ранних американских историков Джареду Спарксу, Франклин ответил: «Да, разумеется, мы должны сплотиться, так как иначе наверняка будем висеть по одиночке». Их жизни, как и их слава, были поставлены на одну карту³⁸.

Идея конституции

После провозглашения объединившихся колоний новым государством Второй Континентальный конгресс должен был заняться созданием, причем с нуля, новой системы правления. Поэтому он приступил к работе над тем, что стало называться Статьями Конфедерации. Этот документ был составлен в окончательном виде лишь в конце 1777 года, и потребовалось еще четыре года, чтобы колонии его ратифицировали. Но базовые принципы были разработаны в течение нескольких недель после принятия Декларации независимости.

В проекте Статей Конфедерации, представленном годом ранее, Франклин предлагал создать сильное центральное правительство, назначаемое Конгрессом, который всенародно избирался бы на основе пропорциональной системы представительства.

По своему характеру и воспитанию он был одним из самых демократичных лидеров колоний. Большинство из его идей не доминировали в новых статьях, но аргументы, использовавшиеся в спорах — и на собраниях Ассамблеи Пенсильвании, на которых составлялась новая конституция штата, — оказали в конечном итоге влияние.

Один из ключевых вопросов заключался в том, что создается — конфедерация независимых государств или единое государство. Или конкретнее: должен ли каждый штат иметь один голос в Конгрессе или получать голоса пропорционально численности населения? Неудивительно, что Франклин отдавал предпочтение второму варианту, и не просто потому, что сам происходил из крупного штата, но потому, что, по его убеждению, власть общенациональному конгрессу должны давать люди, а не штаты. К тому же предоставлять маленьким штатам такое же представительство, как и крупным, было бы несправедливым. «Конфедерация, построенная на столь чудовищно несправедливых принципах, не сможет долго просуществовать», — предсказывал он.

Так как спор становился все ожесточеннее, Франклин попытался придать своей аргументации немного искрометного юмора. Маленькие штаты утверждали, что при пропорциональном представительстве их задавят более крупные. Франклин отвечал, что во времена создания союза с Англией некоторые шотландцы предсказывали своей стране судьбу Ионы, проглоченного китом, а в итоге в правительство вошло так много шотландцев, «что в конце концов создалось впечатление, будто именно Иона проглотил кита». Джефферсон отметил, что Конгресс отреагировал на эту реплику дружным искренним смехом. Тем не менее он проголосовал за вариант предоставления каждому штату одного голоса. Сначала Франклин угрожал убедить Пенсильванию не вступать в Конфедерацию, но в конце концов смирился.

Другой вопрос касался того, следует ли рассматривать рабов как часть населения штата с точки зрения оценки налоговых обязательств. Нет, доказывал один из делегатов от Южной Каролины, рабов следует воспринимать не как население, а как собственность, скорее как овец, а не как людей. Франклин дал ему резкую отповедь: «Есть разница между ними и овцами. Овцы никогда не поднимут восстание»³⁹.

В то время как Конгресс обсуждал новые статьи, в Пенсильвании проходил конституционный съезд штата, причем ради удобства — в том же здании. Франклин единодушно был избран председателем, и его главный вклад заключался в том, что он настоял на создании однопалатной легислатуры. Идея обеспечения баланса власти между напрямую избираемой легислатурой и не напрямую выбираемой «верхней» палатой, против которой он выступал, была рудиментом аристократической элитарной системы, с которой боролась Америка. Франклин сравнил двухпалатный законодательный орган со сказочной двухголовой змеей. «Она хотела напиться из ручья, но на пути к воде встретила забор, вынуждавший ее двигаться в одном из двух противоположных направлений; одна голова хотела направо, другая налево, на споры ушло много времени, и когда решение наконец было принято, бедная змея скончалась от жажды». Он также приложил руку к списку требований, которым должны были отвечать должностные лица в Пенсильвании. В отличие от других штатов им

запрещалось владеть собственностью, но зато они должны были обладать «прочной приверженностью к справедливости, умеренности, сдержанности, трудолюбию и бережливости».

Идея Франклина об однопалатном законодательном органе была в конце концов отвергнута и в Пенсильвании, и в Соединенных Штатах, но бурно приветствовалась во Франции, которая реализовала ее (с сомнительными результатами) после революции. Другое ультрадемократическое предложение Франклина съезду штата Пенсильвания заключалось в том, чтобы принятая Декларация о правах не поощряла владение крупной собственностью или высокую концентрацию богатства в руках немногих, так как это представляет «угрозу для счастья человечества». В итоге это предложение показалось съезду также слишком радикальным.

Франклин не жалел времени на работу в различных комиссиях Конгресса. Например, в сотрудничестве с Джефферсоном и Адамсом он помогал создавать большую государственную печать. Джефферсон предложил изобразить на ней сынов Израиля, идущих через пустыню, а Адамс — использовать образ Геркулеса. Идея Франклина — поместить на лицевой стороне девиз *E Pluribus Unum*^{*}, а на обратной — сцену гибели войск фараона в водах Красного моря и фразу «Восстание против тиранов угодно Богу». Позднее Джефферсон поддержал план Франклина, и он в значительной степени был одобрен Конгрессом⁴⁰.

Новая встреча с лордом Хау

Переговоры Франклина в Лондоне с адмиралом Ричардом Хау, начатые во время сражений за шахматной доской в доме сестры Хау в конце 1774 года, завершились безрезультатно, но не повредили взаимному уважению, которое испытывали друг к другу эти два человека. Лорда Хау разочаровало то, что тупик перечеркнул его надежды официально отправиться в колонии в качестве посла мира. В июле 1776 года в подчинении адмирала находились все британские вооруженные силы в Америке, включая сухопутные войска, которыми командовал его брат генерал Уильям Хау. Кроме того, лорд Хау желал получить полномочия, необходимые для того, чтобы попытаться достичь примирения. Адмирал разработал вместе с братом подробное предложение, содержащее пункты о перемирии, помиловании лидеров мятежников (с тайным исключением из списка Джона Адамса) и обещаниями вознаградить любого американца, который будет помогать восстановлению мира.

Так как англичане не признавали Континентальный конгресс легитимным органом власти, то лорд Хау не знал, куда ему следует направлять свои предложения. Поэтому по прибытии в Сэнди-Хук, штат Нью-Джерси, он послал письмо Франклину, обращаясь к нему «мой дорогой друг». Он «надеялся быть полезным в продвижении к установлению прочного мира и единения с колониями»⁴¹.

Франклин зачитал письмо Конгрессу и получил разрешение дать ответ, что и сделал 30 июля. Это был искусный и красноречивый текст, ясно выражавший намерение Америки оставаться независимой, но при этом предпринять последнюю попытку не допустить революции.

^{*} «Из многих — единое» (лат.). Прим. ред.

«Я в целости получил письма, которые Ваша светлость любезно направила мне, и прошу Вас принять мою благодарность», — начинал Франклин с необходимой в таких случаях вежливостью. Но тон письма быстро накалялся, даже воскресло выражение «потопить нас в крови», которое он когда-то вычеркнул из проекта Декларации, составленного Джефферсоном.

Направлять помилование колониям, которые в действительности являются пострадавшими сторонами, значит считать нас невежественными, неотесанными и бесчувственными. Этого мнения долгое время придерживалась ваша плохо информированная и гордая нация, чтобы потешаться над нами, но оно может иметь и другой эффект, помимо нарастания нашего возмущения. Невозможно и думать о том, чтобы мы подчинились правительству, которое с невиданным варварством и жестокостью сжигает наши беззащитные города посреди зимы, подстрекает дикарей убивать наших мирных фермеров, наших рабов — расправляться со своими хозяевами, а теперь даже привозит иностранных наемников, чтобы потопить наши поселения в крови.

Однако Франклин сумел наполнить письмо не только яростью. С большим сожалением и болью вспоминал, как они совместно трудились над тем, чтобы не допустить необратимого разрыва. «Я долгое время бесстрашно, с неистощимым рвением пытался сохранить от крушения эту изящную и благородную китайскую вазу — Британскую империю, так как знаю, что после того как она будет разбита, отдельные части не смогут сохранить даже доли той прочности, которые имелись у единого целого», — писал он. «Ваша светлость, возможно, помнит слезы радости, которые текли по моим щекам, когда в доме вашей доброй сестры в Лондоне вы однажды осчастливили меня надеждой, что примирение может скоро произойти».

Возможно, Франклин намекал, что мирные переговоры могли бы оказаться полезны. Но это было маловероятно. От Хау требовалась готовность рассматривать Британию и Америку «как разные государства». Сам Франклин сомневался, что Хау обладает такими полномочиями. Но если бы Британия захотела заключить мир с независимой Америкой, то Франклин не считал «соглашение с такой целью практически неосуществимым». Он заканчивал письмо на приятной личной ноте, заявляя о «прочном уважении и даже любви, которую всегда будет питать к Его светлости»⁴².

Хау, по понятным причинам, был захвачен врасплох ответом Франклина. Посыльный, доставивший письмо, сообщал об «удивлении» на его лице. Лорд заметил, что его «старый друг высказался очень сердечно». Когда посыльный спросил, не желает ли его светлость отправить ответ, «тот отказался, сказав, что доктор был слишком добросердечен и что если бы он полностью выразил свои чувства, то причинил бы ему лишь страдания, чего хотел бы избежать».

Хау выжидал две недели, в течение которых британцы благодаря искусному маневрированию добились преимущества над силами генерала Вашингтона на Лонг-Айленде. Затем он послал тщательно сформулированный и исключительно вежливый

ответ своему «достопочтенному другу». Адмирал признавал, что не обладает полномочиями «для ведения переговоров о воссоединении с Америкой в любом другом ее качестве, кроме как субъекта британского королевства». Тем не менее он заявил, что мир возможен на условиях, изложенных Конгрессом в Петиции оливковой ветви, направленной королю годом раньше: там перечислялись все требования колоний относительно автономии, однако сохранялась определенная форма союза с Британией под властью короны. Хотя в своем «публичном заявлении» он воздерживался от однозначных высказываний, теперь давал четко понять, что мир, который рисуется в его воображении, будет служить «общим интересам обеих стран». Другими словами, Америка должна рассматриваться как самостоятельная страна в составе империи⁴³.

Это было то, о чем Франклин мечтал столько лет. Однако после 4 июля предложение выглядело запоздалым. Теперь Франклин остро чувствовал это. Джон Адамс и его коллеги по радикальной фракции — даже еще острее. Поэтому в Конгрессе прошло много дискуссий и споров, следует ли Франклину поддерживать переписку. Хау форсировал события, освободив захваченного в плен американского генерала и отпустив его в Филадельфию. Он передал приглашение Конгрессу направить неофициальную делегацию для проведения переговоров до того, как «будет нанесен решающий удар».

Троих членов Конгресса — Франклина, Адамса и Эдварда Рутледжа из Южной Каролины — уполномочили встретиться с Хау, чтобы выслушать его предложения. Включение в делегацию Адамса (который предупреждал Конгресс, что, как говорил его биограф Дэвид Маккуллог, посланец Хау — «подсадная утка, направленная с целью убедить Конгресс отказаться от независимости») служило предохранительным механизмом против возможного возвращения Франклина к привычным попыткам поиска мира.

Возможно, с определенной долей иронии Франклин предложил, чтобы встреча состоялась в губернаторском особняке в Перт-Эмбой, где ранее жил его сын, ныне находившийся под стражей, или на острове Стейтен. Хау выбрал второй вариант. Во время поездки делегация провела одну ночь в Нью-Брунсвике, где гостиницы были настолько переполнены, что Франклину и Адамсу досталась на двоих одна кровать.

В результате оба провели веселую ночь, описание которой содержится в дневнике Адамса и позволяет бросить беглый взгляд на личность Франклина и многолетние эксцентричные отношения со своим старым соратником.

Адамс страдал от простуды, и когда они пошли спать, закрыл маленькое окошко, имевшееся в их комнате. «Ох! — сказал Франклин. — Не закрывайте окно, иначе мы здесь задохнемся».

Адамс ответил, что боится холодного ночного воздуха. «Воздух в этой комнате скоро будет хуже, чем на улице, — возразил Франклин. — Откройте окно и ложитесь в постель, а я постараюсь убедить вас в своей правоте. Уверен, что вы незнакомы с моей теорией простуды».

Адамс приоткрыл окно и «прыгнул в постель» — зрелище, которое стоило увидеть. Он признался, что читал письма Франклина (см. с. 213–214), в которых утверждалось, что никто не простужается от холодного воздуха, но эта теория не согласуется с его личным опытом. Не мог бы Франклин разъяснить ее поподробнее?

С несвойственной для него сдержанностью Адамс писал: «Затем доктор начал разглагольствовать о воздухе и о простуде, о дыхании и потении, и это меня настолько развлекло, что я быстро уснул и оставил его наедине с философией. Следует отметить, что Франклин, возможно, не заразился простудой от Адамса не только потому, что победил в споре об окне, но и потому, что философствовал всласть»⁴⁴.

Отправив лодку, чтобы доставить американскую делегацию на остров Стейтен, Хау велел своему офицеру остаться на противоположном берегу в качестве заложника. Но Франклин и его коллеги взяли офицера с собой, чтобы продемонстрировать веру в благородство Хау. Хотя Хау и провел гостей мимо двойной шеренги угрожающе выглядывших гессенских наемников, сорокапятиминутная встреча, состоявшаяся 11 сентября, прошла сердечно, и американцев угостили хорошим кларетом, ветчиной, копченым языком и бараниной.

Хау заверял, что колонии могли бы получить все, о чем просили в Петиции оливковой ветви: контроль за законодательством и налогами и «пересмотр любых законов о плантациях, которые могут наносить ущерб колонистам». Он утверждал, что британцы по-прежнему доброжелательны к американцам: «Когда американец погибает в бою, Англия переживает его смерть». Он сам ощущает это. Если бы Америка погибла, сказал он, «я воспринимал и оплакивал бы это как потерю брата».

Адамс зафиксировал немедленную реакцию Франклина. «Доктор Франклин с непринужденным видом и сосредоточенным выражением лица, поклонившись и улыбнувшись, ответил с той наивностью, которая иногда проявлялась в его разговорах и часто прослеживалась в его текстах: “Боже мой, мы сделаем все возможное, чтобы спасти вашу светлость от такого страдания”».

Хау доказывал: спор, породивший эту ужасную войну, касается только методов, которые должна использовать Британия для сбора налогов с Америки. Франклин ответил: «Этого мы никогда не отрицали, особенно после проведенной реквизиции». Америка, продолжал Хау, обеспечивала и другие источники мощи империи, включая и «ее людей». Франклин, труды которого о росте народонаселения хорошо были известны Хау, согласился: «Производство людей у нас налажено неплохо».

Почему же тогда, спрашивал Хау, невозможно поставить заслон «этим разрушительным крайностям?» Потому, отвечал Франклин, что теперь слишком поздно заключать мир и требовать возврата верности королю. «К нам были направлены вооруженные силы, сожжены наши города, — сказал он. — Мы не можем теперь ждать благоденствия под властью Великобритании. Все прошлые связи уничтожены». Адамс также «пылко упомянул о своей собственной решимости не отступать от идеи независимости».

Американцы предполагали, что Хау отправится домой для получения полномочий на ведение переговоров с ними как с независимой страной. Но это оказалось тщетной надеждой.

«Боже мой, — сказал Франклин, — Америке нечего ожидать, кроме безусловного порабощения...»

Хау прервал его: никто не требует порабощения, но совершенно ясно, что никакое соглашение невозможно, по крайней мере в данный момент. Хау извинился за то, что «джентльменам пришлось терпеть трудности такого дальнего путешествия ради столь ничтожного результата»⁴⁵.

Во Францию с Темплом и Бенни

Спустя две недели после возвращения со встречи с лордом Хау комиссия Конгресса, действовавшая в обстановке строгой секретности, поручила Франклину выполнение самой опасной, сложной и увлекательной из всех его общественных миссий. Он должен был еще раз пересечь Атлантику, стать послом в Париже и выпросить у Франции, наслаждавшейся редким состоянием мира с Англией, помощь и союзничество, без которых Америка вряд ли могла рассчитывать на победу.

Это было странное назначение. Казалось, старый и больной Франклин теперь наконец-то удобно устроится в семейном кругу, который фактически состоял из его потомства. Но в этом решении, с точки зрения Конгресса, имелась своя логика. Хотя Франклин посещал Францию только дважды, в этой стране он был самым известным и уважаемым американцем. Кроме того, как член созданной Конгрессом комиссии по секретной переписке он проводил в последние годы конфиденциальные переговоры с разными французскими посредниками. Среди них был и Жюльен де Бонвулуар, агент, кандидатура которого была лично одобрена новым королем Людовиком XVI.

Франклин встречался с ним трижды в декабре 1775 года, и хотя Бонвулуар и был исключительно осмотрителен, у него сложилось впечатление, что Франция готова оказать поддержку американскому восстанию, по крайней мере тайно⁴⁶.

Для поездки во Францию были выбраны и два других эмиссара: Сайлес Дин, коммерсант и делегат Конгресса от Коннектикута, уже побывавший в Париже в марте 1776 года, и Томас Джефферсон. Когда Джефферсон попросил освободить его от этого поручения по семейным обстоятельствам, на его место был назначен сварливый виргинец Артур Ли, который ранее принял от Франклина обязанности агента колоний в Лондоне.

Франклин открыто заявлял, что принимает назначение крайне неохотно. «Я стар и ни на что не гожусь, — говорил он другу Бенджамину Рашу, сидевшему на заседаниях конгресса рядом с ним. — Но, как говорят лавочники о нераспроданных запасах одежды, я являюсь не чем иным, как ненужным остатком, и вы можете использовать меня для чего угодно»⁴⁷. Однако, зная Франклина — его любовь к путешествиям, жажду новых ощущений, понимание Европы и (возможно) склонность избегать затруднительных ситуаций, — вполне возможно, что он приветствовал назначение. Имеется несколько свидетельств того, что он его добивался. В ходе дискуссий в секретной комиссии в предыдущем месяце он составил «Набросок предложений о мире» с Англией, который комиссия решила не пускать в дело. В тексте Франклин говорил о желании вернуться в Англию:

Необходимость сделать такие предложения или использовать какие-то другие средства для продвижения к миру обеспечит Б. Ф. предлог для поездки в Англию, где он имеет много друзей и знакомых, в особенности среди известных писателей и самых блестящих ораторов в обеих палатах парламента. Он считает, что сумеет, если условия мира не будут приняты, добиться такого разделения чувств нации, которое значительно ослабит ее усилия, направленные против Соединенных Штатов⁴⁸.

Его встреча с лордом Хау, состоявшаяся после того как он составил докладную записку, сделала поездку в Англию менее привлекательной, особенно в сравнении с парижскими возможностями. По опыту предыдущих визитов он знал, что сможет полюбить Париж, и к тому же жить там наверняка безопаснее, чем оставаться в Америке при неясном исходе войны (войска Хау в то время приближались к Филадельфии). Немногие враги Франклина, включая британского посла в Париже и нескольких американских лоялистов, считали, что он ищет предлог, чтобы избежать опасности. Даже его друг Эдмунд Бёрк, проамерикански настроенный философ и член парламента, размышлял на эту тему. «Я никогда не поверю, — говорил он, — что Франклин собирается завершить свою долгую жизнь, каждый час которой был блестящим, столь глупым и бесчестным бегством»⁴⁹.

Подозрения, вероятно, были чересчур прямолинейными. Если бы личная безопасность являлась главным предметом его заботы, то пересечение в условиях военного времени Атлантического океана, контролируемого военным флотом противника, да еще в возрасте семидесяти лет и при постоянных жалобах на подагру и камни в почках, не самый логичный образ действий. Как и всегда, когда Франклин решался пересечь Атлантику, данное решение также диктовалось множеством противоречивых эмоций и желаний. Но, безусловно, возможность послужить своей стране, выполнив поставленную задачу, к чему лучше него не был подготовлен ни один американец, и возможность быть торжественно принятым в Париже и жить в нем — понятные причины, по которым он принял решение. Готовясь к отъезду, он снял со своего банковского счета три тысячи фунтов и одолжил их Конгрессу на военные нужды.

Его внук Темпл провел лето в Нью-Джерси в заботах о своей несчастной одинокой мачехе. После ареста мужа Элизабет Франклин, всегда отличавшаяся душевной хрупкостью, совершенно обезумела от горя. «Я ничего не могу делать, кроме как тяжело вздыхать и плакать, — писала она в июле своей золовке Салли Бейч. — У меня так трясутся руки, что я едва могу держать перо». Упрашивая Темпла остаться с нею, она жаловалась на «буйных солдат», окруживших ее особняк. «Они ведут себя со мной страшно грубо, нагло и оскорбительно и пугают меня до потери сознания». Они даже пытались, добавляет она, украсть домашнюю собаку Темпла⁵⁰.

Темпл прибыл в дом мачехи в конце июля, по обыкновению растеряв по дороге часть вещей. («По-видимому, существует, — писал его дед, — некий фатум, сопровождающий перемещение твоих вещей между Эмбоем и Филадельфией»). Старший Франклин прислал Элизабет денег, но та просила большего. Не мог бы он «замолвить словечко», чтобы Уильяму разрешили вернуться к семье? «Примите во внимание, мой дорогой и уважаемый господин, что сейчас я прошу за вашего сына и моего возлюбленного мужа». Франклин ответил отказом и отверг ее жалобы, указав, что другие люди, попавшие в руки англичан, страдают еще сильнее. Он также не предпринял никаких усилий, чтобы встретиться с нею, когда проезжал через Эмбой, направляясь на встречу с лордом Хау. С момента ее замужества он демонстрировал мало желания подружиться с ней, встречаться или вступать в переписку, не говоря уже о том, чтобы делать ей комплименты, которые так щедро расточал другим молодым женщинам⁵¹.

Темпл проявлял больше сочувствия. В начале сентября он планировал поехать в Коннектикут, чтобы увидеться с арестованным отцом и передать ему письмо от Элизабет. Но Франклин запретил ему, сказав, что важнее побыстрее приступить к занятиям в Филадельфии. Темпл не сдавался. Ведь он не имел никакой секретной информации и просто хотел доставить письмо от Элизабет. Дед оставался непреклонным. «Ты ошибочно полагаешь, будто бы я опасуюсь того, что ты передашь опасную секретную информацию своему отцу, — сердито выговаривал он. — Ты был бы более прав, если бы подозревал, что я мало забочусь о твоём благополучии». Если Элизабет хочет написать мужу, добавлял он, то может сделать это под наблюдением губернатора Коннектикута, и даже прилагал к своему письму необходимую почтовую бумагу. На самом деле Франклин понимал, что внук имеет другие мотивы — один дурной, второй похвальный — для встречи с отцом. «Я скорее думаю, что этот план возник из-за твоей склонности к праздношатанию и нерасположенности к возвращению в колледж вкупе с не осуждаемым мною желанием увидеться с отцом, любить которого ты имеешь так много причин». Не обвинять сына в желании встретиться с отцом? Признать, что он имеет много причин, чтобы его любить? Для Франклина такие сантименты в отношении Уильяма — нечто необычное, даже поразительное⁵².

Неделю спустя спор прекратился сам собой. Заботясь, чтобы сведения о его парижской миссии остались в строгой тайне, Франклин изъяснялся загадочно: «Я надеюсь, что ты вернешься сюда немедленно и твоя мать не будет возражать, — писал он. — Здесь намечается что-то такое, что пойдет тебе на пользу».

Решение взять Темпла во Францию он принял без консультаций с Элизабет, которая умерла год спустя, так никогда больше и не увидев мужа и пасынка. Он также не поставил об этом в известность Уильяма, который лишь задним числом узнал, что его единственный сын, мальчик, которого он знал всего год, отплыл во Францию. Именно влиянием силы личности Бенджамина Франклина, который так часто проявлял равнодушие к чувствам членов своей семьи, объясняется то, что Уильям безропотно смирился с ситуацией. «Если старый джентльмен взял мальчика с собой, — писал он несчастной жене, — то, я надеюсь, лишь для того, чтобы записать его в какой-нибудь зарубежный университет»⁵³.

Франклин также решил взять с собой и другого внука, Бенни Бейча. Экстравагантное трио отправилось в путь 27 октября 1776 года на борту небольшого, но быстходного американского военного корабля с подходящим названием «Репрайзл»*. Неугомонный старик, которому вскоре должен был исполниться семьдесят один год, измученный болезнями, но по-прежнему амбициозный и авантюрный, направлялся в далекую землю, из которой, как он был убежден, ему не суждено вернуться. Его сопровождали остроумный легкомысленный юноша семнадцати лет и семилетний мальчик, желающий всем нравиться. Франклин надеялся, что опыт пребывания в Европе пойдет на пользу внукам, а их присутствие будет утешать его самого. Двумя годами позднее в письме к Темплу, используя слова, применимые к обоим мальчикам, Франклин объяснял одну из причин, по которым хотел взять их с собой: «Если я умру, то со мной рядом будет находиться отпрыск, который закроет мне глаза»⁵⁴.

* Reprisal (англ.) — ответная мера. Прим. пер.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

